

Утюж Ирина Геннадиевна
доктор философских наук,
профессор,
зав. кафедрой общественных дисциплин
Запорожского государственного медицинского университета

НОВЫЙ ВИТОК ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АНАТОМИЯ ТЕХНОКРАТИЗМА

Сегодня Украину как и весь западный мир ожидает новый виток глобализации. О глобализация, как техносфере, как интеллектуальной программе заложником которой стал человек, всерьез заговорили после известной статьи математика Вернера Винджа «Технологическая сингулярность» [1]. А точнее было бы назвать эту статью «Чем грозит человечеству искусственный интеллект». И поэтому нынешний этап глобализации связывают с особым моментом в истории, который назвали сингулярностью. И основной смысл статьи В. Винджа, что технологическая сингулярность эта та граница, за которой человеческого уже не останется. Реальность, которая нас ждет РАСЧЕЛОВЕЧЕНА, и все началось с феномена «технократическое мышление». Но мы в своей аналитике попытаемся презентовать причины появления «технократического мышления»

Итак, что за «болезнь» такая – «технократическое мышление»? Это продолжение дегуманизированных смыслов позитивистской парадигмы во всех сферах деятельности человека. Дегуманизация различных сфер деятельности – это не просто подмена ценностей и этики с аспектами научно-технического прогресса, это разрушение смыслов, уход от разума, этики и морали, это отсутствие сопереживания и сочувствия, это вынесение человека и человеческого «за скобки» - РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ реальности. В этом смысле человек рассматривается как та самая «машина», однако же обладающая интеллектом. Получается, для технократов искусственный интеллект – то есть система, обладающая интеллектом, но которому совершенно чужды эмоции, чувства и морально-этические нормы – это просто идеальная картина! Окончательно заменить человека, не просто

думающего, но и чувствующего, сопереживающего, имеющего смыслы, также думающей, но с совершенным отсутствием чувств, морали и этики, машиной – вот их мечта. Для них мечта, для меня – метафизическое преступление.

И ведь как это удобно встраивается в постмодернистскую, глобалистскую модель РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ, уничтожения самого понятия «культуры», самого «человека». Что, собственно говоря, происходит? Очередная «перестройка» глобальных масштабов. Раздавливание человека. Развитие не просто научно-техническое, а меняющее самую суть человека, человеческого общества, ведущее не к свободе, а к потребительскому рабству, архаике, «многоэтажности» и жёсткой иерархичности, где нет места гуманизму, Любви, Свободе.

Эта расчеловечивающая сила когда-то создала нацизм и фашизм и пошла уничтожать Человека. Именно она строит общество без «Человека» в метафизическом смысле, общество с искусственным интеллектом. Это и есть настоящие мракобесы, которые забывают хоть иногда смотреться в зеркало. Они даже мысли не допускают об уродстве и какой-то inferнальности всего того, что делают и во что верят.

Лиотар данную ситуацию называет идейным распадом: «недоверие к метанарративам» и меркантилизация знания. Другие представители французской школы выражают свой взгляд на современную социальную действительность как: непрерывная деконструкция реальности (Ж. Деррида), отсутствие реального производства, и жизнь в симуляционной реальности, а также имплозия социального – взрыва, обращенного внутрь. «Массы становятся все более плотной сферой, в которую направляется все социальное, чтобы испытать имплозию и раствориться в непрерывном процессе симуляции» (Ж. Бодрийяр) [2, с. 95], и как результат появление феномена квази-социальности.

Мы оказываемся в ситуации общества распада (общество постмодерна). Общество в котором отсутствует социальная культура и как отмечает И.

Сайтарлы: «Если человеческие отношения, и порождаемые ими ценности, действительно придают смысл современной экзистенции, то возможно, постчеловечество осознает необходимость создания институтов, укрепляющих его совместное бытие, превращая тем самым социальный апокалипсис, выраженный в словах одного отчаявшегося философа «Ад – это другие»»[3, с. 8].

Но пока, как ни странно мы существуем, и существование возможно и в распадающемся состоянии, даже достаточно длительное существование. И как отмечает Пилюгина Е. такое состояние «на пределе» обозначается как «непрерывное прерывание», или сингулярность [4]. Обращение к множественности современных стратегий понимания человека подразумевает концептуализацию сингулярности как символичности индивида в порядке или квази-порядке современности.

Необходимо построение проблемного поля и создание соответствующего дискурса, где была бы возможность целостного рассмотрения сингулярности (в качестве сингулярных субъектов может выступать не только индивид или социальная группа, общность, но и социальный институт, и собственно социальный дискурс, - все то, что способно принимать, производить, транслировать значения [4]). В нашем исследовании мы обратимся к анализу индивида – сингулярности – одиночки в символическом порядке постиндустриального, постинформационного пространства современной культуры, которую еще также и стало модно называть постсингулярной (и смыслы постсингулярной действительности нам еще предстоит понять и осознать).

Центром внимания проблематики «индивид-одиночка-сингулярность» является корреляция устойчивого-разумного-символического порядка культуры и радикальной субъективности, что развернуто в проективных пространствах социального и индивидуального. Как один из примеров проективного пространства можно презентовать аналитику фрагмента постиндустриального общества, в котором противоречие между

ментальными кодами людей индустриального и постиндустриального общества настолько очевидны, что не осмыслять это просто нельзя (это как одна из сингулярностей, которую мы должны преодолеть).

Подобную ситуацию «современную действительность как сингулярность и совокупность сингулярностей» определяет Ж. Делез. Философ определяет ведущую роль значений в осуществлении такой действительности (планетарная интеллектуальная машина): бытие есть производство смысла бытия, бесконечное ветвление множества смыслов [4, цит. по статье Пилюгиной Е.], в результате чего изначальное «пустое место» начинает вдруг циркулировать, а доиндивидуальные и безличные сингулярности «говорить», выражая себя через «говорение», коммуницировать друг с другом [4, цит. по статье Пилюгиной Е.].

Развивая идеи Ж. Делеза, Л. Нанси называет эту способность сингулярностей к коммуникации «открытостью связи несвязности», в результате чего достигается обращенность сингулярных субъектов друг к другу [4, цит. по статье Пилюгиной Е.]. Под «открытостью» понимается готовность к отношениям, но не сами отношения (вот что имеется ввиду под «открытой цивилизацией», эпоха мегаструктур прошла, пришло время одиночек-сингулярностей).

1. Вернор Виндж. Технологическая сингулярность, Компьютера-Онлайн, электронная публикация [Режим доступа] http://royallib.com/read/vindg_vernor/tehnologicheskaya_singulyarnost.html#0.
2. Сайтарлы И. Философия социальной культуры. / Инна Сайтарлы. Монография. – К.: Изд. ПАРАПАН, 2012. – 292 с.
3. Бодриар Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодриар; [пер. с фр. А. Качалова] – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.,
4. Пилюгина Е. Состояние постмодерна: сингулярность бытия, транспарентность сознания и вирусы тоталитарных идей,

электронная публикация [Режим доступа]
<http://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-postmoderna-singulyarnost-bytiya-transparentnost-soznaniya-i-virusy-totalitarnyh-idey>.

Утюж И. Г. Новый виток глобализации: анатомия технократизма // Соціальне прогнозування та проектування майбутнього країни: ідеї миру та ненасильства у змінах глобального порядку: Матеріали VII міжнародної конференції (м. Запоріжжя 24 березня 2017 р.) , ЗНУ, Запоріжжя, 2017 р. – С. 31-33.